

ТБ

**ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:**

Скрипачка

Соло для влюбленных

Возьми меня с собой

Мой суженый, мой ряженный

Во сне и наяву

Пианистка

Кормилица по контракту

Миг счастья ускользающий

Стена плача

Ромео должен повзрослеть

Последний вечер встречи

Женщина в лунном свете

Спаси меня, пожалуйста!

Дом без привидений

Старшая подруга

Черное облако души

Генетическая ошибка

Герой чужого романа

Семейная идиллия

Трефовый интерес

Восстание Феникса

Круиз по краю ада

Планета лжи

Проклятье Снегурочки

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Соло для влюбленных : роман / Татьяна Бочарова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-212555-3

В жаркое августовское воскресенье молодая певица Лариса отправляется в театр на первую репетицию оперы Верди «Риголетто», где ей предназначена главная роль Джильды. Но по пути она становится единственным свидетелем ужасного ДТП — неизвестный насмерть сбил человека. Шокированная Лариса успевает запомнить несколько примет автомобиля: цвет, марку и, главное, талисман на лобовом стекле — краб малахитового цвета с красными глазами. Лицо водителя рассмотреть не удается — в момент аварии он упал лицом на руль, а в следующую секунду тронулся с места и исчез. Лариса с опозданием приезжает в театр, где знакомится с новым солистом Глебом Ситниковым и влюбляется в него буквально с первого взгляда! Но в его поведении она замечает некоторые странности, которые наводят ее на страшные подозрения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212555-3

© Бочарова Т., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

— Лариса Дмитриевна! Лариса Дмитриевна, вы меня слышите?

Лариса с трудом заставила себя выйти из тупого оцепенения, охватившего ее, точно плотный, густой туман.

— Да, я вас слышу.

— Пожалуйста, ознакомьтесь. Это записано с ваших слов. Читайте внимательно. Может быть, что-то зафиксировано неверно или неточно. — Высокий плечистый майор, наверняка любимец женщин, протянул листок протокола. Красивый, высокий лоб, строгий очерк скул, открытый, дружелюбный взгляд спокойных серых глаз. Мужчина смотрел на Ларису с сочувствием и пониманием.

Она на мгновение представила, как выглядит со стороны: нарядный, вызывающе открытый сарафанчик, ярко накрашенное лицо, искусно уложенные волосы — и контрастом ко всему этому пробивающиеся сквозь макияж мертвенная бледность, растерянный вид. Действительно, зрелище, внушающее жалость.

Лариса взяла у оперативника бумагу. Строчки прыгали перед глазами, ей пришлось изучать написанное несколько минут.

— Да, все так и есть. — Она вернула протокол красавцу майору. — Все правильно. Только цвет. Он не серый, как здесь написано, а серебристый.

— Исправим, — серьезно сказал плечистый. — Большое вам спасибо, Лариса Дмитриевна. Мы, конечно, будем искать этого подонка и, надо полагать, найдем. Но вы, как свидетель по делу, должны будете посещать прокуратуру.

— Часто? — испугалась Лариса.

— Точно сказать не могу, — мягко отозвался майор. — Раза два, три, может, и больше. Так что будьте добры оставить контактный телефон, по которому с вами можно будет связаться. — Он достал из нагрудного кармана авторучку и вложил в ее пальцы. — Вот тут, — лист протокола снова оказался перед Ларисиным лицом.

Дрожащей рукой она нацарапала домашний номер, подумала секунду и приписала рядом мобильный.

— Это на случай, если меня не окажется дома. Я часто допоздна задерживаюсь на работе.

Во взгляде майора появилось любопытство. Видимо, его заинтересовало, что за работа такая у этой красивой, хорошо одетой и ухоженной барышни. Однако он ничего не сказал, еще раз просмотрел протокол и удовлетворенно кивнул:

— Это все.

— Я могу идти? — поинтересовалась Лариса.

— Да, конечно. Еще раз примите нашу благодарность.

Он козырнул и, повернувшись, пошел к группе оперативников, стоящей у милицейского «мерса».

Лариса чуть помедлила, а потом на ватных ногах поплелась на другую сторону улицы, где у обочины си-

ротливо притулилась ее старенькая «Ауди». Пискнула сигнализация. Лариса распахнула дверцу и устало опустилась на сиденье. За сорок минут разговора с милиционерами воздух в наглухо закрытом салоне нагрелся до немыслимой температуры. Голую спину обожгло, но она даже не поморщилась. Равнодушно взглянув на себя в зеркальце, машинально поправила выбившуюся из прически прядь. Потом долго, неловко расстегивала маленькую кокетливую сумочку, шарила в ней в поисках сигарет.

Закурив, она опустила боковое стекло до предела, уселась поудобнее и положила обе руки на руль, стараясь унять в них противную мелкую дрожь. Когда наконец это удалось, Лариса выкинула окурочек в окно, вздохнула и плавно выжала сцепление. Машина мягко тронулась и понеслась по почти пустой улице. Было пятое августа, воскресенье, девять часов утра...

Глава 2

Накануне, в субботу, четвертого августа, жара в Москве и ее пригородах достигла своего апогея. Противореча всем нормам и законам природы, столбик термометра поднялся на отметку тридцать пять градусов, и это лишь в тени. А на солнце красная ниточка уходила далеко за сорок. На улицах плавился асфальт, как в Ялте. Измученные зноем москвичи, не сумевшие выбраться на уик-энд за город, в благословенную прохладу фруктовых садов, на чем свет стоит кляли капризный столичный климат. Одно дело, когда плюс тридцать градусов в июле, самом жарком месяце лета! Но август!

Лариса, то и дело останавливаясь в пробке, с легкой паникой поглядывала из окна «Ауди» на бесчисленную вереницу перегревшихся машин, стоявших с открытыми капотами вдоль обочины кольцевой дороги. Рядом нетерпеливо топтались взмокшие от зноя водители, дожидаясь, пока их транспортные средства остынут.

От опасения пополнить ряды этих страдальцев, а также после ссоры с родителями на даче у Ларисы тупо ныл левый висок. Хуже нет, когда тебя в двадцать шесть лет от роду начинают воспитывать, да еще так, как это делает отец. Именно отец, а не мама. Та только молча смотрит грустными глазами. А вот папа — дело другое. Ему, всю жизнь проработавшему на одном месте, в оборонном «почтовом ящике», поступок дочки кажется чем-то из ряда вон выходящим.

Шутка ли: от мужа отказалась. И от какого мужа! Богатого, красивого, непьющего, влюбленного в нее без памяти. Отец с самого начала был полностью солидарен с Павлом в его требовании, чтобы она ушла из «Оперы-Модерн». Дескать, такая работа жены позорит порядочного мужика. Стыд один, почти голяком по сцене бегать, всякую пакость изображать с чужими мужчинами. Ты певица, ну и пой себе арии да романсы. А развратничать нечего.

Что поделаться, в глазах отца и Павла Ларисина работа у Мишки Лепехова, главного режиссера модного музыкального театра «Опера-Модерн», выглядела сплошным развратом.

Даже теперь, спустя полтора года после развода, отец все никак не мог простить Ларисе, что та предпочла работу благополучной семье и налаженному быту.

Он страстно мечтал о внуках, а Лариса и Павел так и не успели обзавестись ребенком. Более того, в ближайшем будущем упрямая дочь, похоже, не собиралась устраивать личную жизнь. Проще говоря, Лариса упорно не желала ни выходить замуж, ни даже знакомиться с кандидатами на роль супруга, которых неустанно подыскивали родители.

Собственно, из-за одного из них и разгорелась последняя ссора. Антон, живший на даче по соседству, был врачом и неплохо зарабатывал в хозрасчетном отделении одной из московских больниц. На Ларису он давно бросал томные и страстные взгляды, вызывавшие у нее почему-то лишь неудержимые приступы смеха. Родителям же, и особенно Дмитрию Леонидовичу, Антон очень нравился: надежный, непьющий и внешне весьма представительный. Что еще нужно бабе для счастья?

Как раз в эту субботу у Антона случился день рождения. С утра он сгонял в стационарный магазинчик, затарился выпивкой, закуской и стал громко жаловаться, что всему этому добру суждено пропасть, ведь из города в такую жару к нему на дачу никто не доедет.

Антонина Петровна тут же включилась в спектакль и предложила горемыке-новорожденному отпраздновать знаменательное событие у них. Мол, рядом две женщины, неужели они стол одинокому человеку не накроют?

Антон долго уговаривать не пришлось — он мигом явился на соседский участок с бутылками и разной снедью. Навстречу ему спешил довольный Дмитрий Леонидович, уже предвкушающий приятный вечер за рюмочкой на тенистой террасе.

И надо же было Ларисе нарушить эту идиллию! Она вовсе не собиралась оставаться на даче в субботний вечер и хлопотать за праздничным столом в качестве радушной хозяйки. У нее были совершенно другие планы.

Лепехов, гениальный, сногшибательный Мишка, выдумщик, фантазер и фанатик новаторства в оперном жанре, в начале августа задумал постановку «Риголетто» Верди и предложил Ларисе главную роль. В опере оказалось достаточно любовных сцен, а так как Мишка проявлял остроумие и оригинальность именно в них, спектакль обещал быть аншлаговым. Труппа буквально загорелась новой идеей главрежа и согласна была начать репетировать, несмотря на жару. Премьеру наметили на самое начало сентября, времени оставалось в обрез, и первое знакомство с материалом назначили на воскресенье. Поэтому, приехав на дачу к родителям в субботу утром, Лариса намеревалась в тот же день вечером вернуться в Москву. Мишка любил проводить репетиции рано утром, пока чувствовал себя особенно свежим и полным сил.

Обо всем этом, конечно, не вдаваясь в подробности, и поведала Лариса возмущенным родителям. Реакция их была ужасна. Мама часто заморгала, будто собираясь расплакаться, и ушла в дом. Отец долго и нудно читал Ларисе мораль. Та собирала сумку с нужными вещами и молчала. Жалость к отцу боролась в ней с раздражением, и наконец победило второе — Лариса сорвалась и наругала. Хлопнув дверцей машины и даже не поцеловав на прощание мать, она уехала.

10 Ей повезло. «Ауди» хоть и была семилетней, но жару переносила стойко. Лариса остановилась у подъ-

езда и вылезла на раскаленный, несмотря на вечер, воздух, чувствуя себя донельзя усталой и разбитой.

На лавочке возле дома сидели две старушки. Одна из них, Галина Степановна, тучная, с отеками, распухшими ногами-тумбами, была ее соседкой по лестничной площадке. Она сладко улыбнулась беззубым ртом, однако маленькие, глубоко посаженные глазки цепко рассматривали Ларису с головы до ног.

— Красавица наша приехала! — елеино пропела старуха, кивая проходящей мимо девушке. — Чего ж в такое пекло в город? Завтра же выходной. Отдыхала бы в холодке, а то здесь не продохнуть.

— Работа, Галина Степановна, работа, — улыбнулась Лариса в ответ, — расслабляться некогда.

— Ну, с богом, раз работа, — согласилась бабка, вздыхая.

Обольщаться насчет соседкиной доброжелательности не приходилось. Лариса отлично знала: как только она скроется в лифте, обе старушечки тотчас самозабвенно начнут перебивать ей кости, называя уже не красавицей, а хорошо еще если только сухой и потаскухой.

Ларису это нисколько не волновало. За пять лет работы в театре она выслушала много гадостей — не только от мужа и родителей, но и от лучшей школьной подруги и годами проверенной институтской компании. Дружба с Полинкой постепенно сошла на нет, однокурсники-вокалисты один за другим перестали звонить. Павел был последним в этой цепочке. После его ухода Лариса окончательно смирилась с тем, что ее пристрастие к «Опере-Модерн» вряд ли будет оценено по достоинству кем-то, не имеющим отношения к

театру. Поэтому последние полтора года она общалась лишь с членами лепеховской труппы — теми людьми, у кого находила понимание.

Пустая квартира встретила Ларису духотой, хотя все форточки были открыты настежь. Она скинула в коридоре увесистую спортивную сумку, сняла удобные босоножки на низкой платформе, которые надевала, когда приходилось вести машину, и босиком прошла на кухню. В холодильнике стояла запотевшая бутылка минералки. Она налила полный стакан, подумав, набросала туда кубиков льда из морозилки и с наслаждением сделала пару глотков. Но, спохватившись, что от холодного заболит горло, вытащила из кухонного шкафчика длинную соломинку и, продолжая через нее потягивать освежающий напиток, отправилась в ванную.

Дикая жара и дорога вытянули из Ларисы все силы. Она сняла промокшую от пота одежду и встала под прохладный душ, с удовольствием ощущая, как упругие струи прогоняют из тела усталость. Так она стояла до тех пор, пока к ней не вернулась всегдашняя бодрость и окончательно не утихла боль в виске. Тогда Лариса сделала воду погорячей, взяла с полки шампунь и принялась намыливать длинные пепельно-русые волосы.

Из душа она вышла раскрасневшаяся, полностью расслабившаяся и абсолютно спокойная. Черт с ней, со ссорой на даче! Она не будет об этом думать. Ни об этом, ни о злобных старушенциях у подъезда, ни о переставшей звонить Полинке и тоскливой тишине в пустой квартире по вечерам. Она сделала свой выбор и ни о чем не жалеет.

Лариса принесла с кухни большое красное яблоко и, уютно устроившись с ногами в кресле, с аппетитом

принялась есть. Рядом на столике затренькал телефон. Лариса сняла трубку:

— Я слушаю!

— Ларка! Ну наконец-то ты приехала! А то я весь вечер трезвоню, и все без толку, — как всегда, громкий и веселый голос Милы грянул Ларисе в ухо. — Как доехала? Машина не встала? Страшная жара! Я просто таю, как шоколадка, — Мила продолжала тараторить без остановки, не дожидаясь ответных реплик.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Мила Калитина, меццо-сопрано и ныне единственная Ларисина подруга, отличалась излишней многословностью, а попросту говоря, болтливостью. Качество это, однако, ничуть ее не портило, а скорее, наоборот, очень шло. В свои тридцать два Мила имела внешность подростка — мальчишеская, узкобедрая фигура, короткие пегие вихры, озорно вздернутый нос. И ровно сто слов в минуту. Лариса улыбнулась трубке:

— Да, жара кошмарная. Я доехала, как в страшном сне. Ты-то как?

— Я-то? Как всегда, в полном порядке. Что мне сделается? Готовишься?

Мила имела в виду завтрашнюю репетицию. Конечно, надо бы подготовиться, попеть партию или хотя бы проиграть ее на фортепьяно. Но пока что у Ларисы не хватало на это сил. Может быть, потом, попозже, вечером...

— Готовлюсь, — не моргнув глазом соврала Лариса и откусила от румяного яблочного бока.

— Молодец, — завистливо вздохнула Мила, — а я что-то никак себя собрать не могу. Опять с Сережкой

разругались. Так наорала на него — аж охрипла. Как завтра петь буду?

Сережка был Миленным сыном, рожденным ею в очень юном возрасте, всего семнадцати лет от роду. Она с ним ссорилась и мирилась по десять раз на дню. За нарочито радостным голосом подруги Лариса отчетливо расслышала уныние и грусть.

— Споешь, не волнуйся, — утешила она. — Скажи лучше: не в курсе, кого Мишка на Герцога взял? Я его об этом еще в пятницу спрашивала, но тогда он еще ничего определенного сказать не мог. Звонила ему?

— Конечно, — сразу оживилась Мила.

— И что?

— А ты сидишь или стоишь?

— Сижу, — Лариса опешила от такого странного вопроса.

— На чем сидишь? — не унималась Мила. — На диване?

— В кресле. Хватит издеваться!

— Ну, тогда держись за подлокотники, да покрепче. Знаешь, кто будет твоим партнером, дорогая моя Джильда? — Мила выдержала театральную паузу и торжественно проговорила: — Ситников!

— Кто это? — Фамилия Ларисе показалась знакомой.

— Да ты что, девушка! Не знаешь, кто такой Глеб Ситников? Гран-при конкурса «Золотая лира». Его в июле каждый день по каналу «Культура» показывали. Красавчик с ангельским голосом! Мишка, оказывается, уже давно его пригласил, но держал все в тайне. Спонсоры театра квартиру ему сняли на весь репетиционный период. Вот так!

Лариса озадаченно покачала головой. Глеб Ситников... Ах, ну да. Всероссийский конкурс «Золотая лира» проходил в июле в то время, когда Лариса со своим очередным кавалером ездила в Туапсе. Это был один из тех быстротечных и ни к чему не обязывающих романов, которые один за другим возникали у нее в течение последних полутора лет. По возвращении в Москву роман так же легко угас, как и начался, но конкурс, о котором шумели в певческих кругах, она полностью пропустила. Ситникова Лариса видела лишь раз по телевизору, когда он давал интервью журналистам. В памяти осталось нечто смутное, никаких особых чувств не вызывающее. И вот теперь...

— Значит, Ситников, — задумчиво проговорила в трубку Лариса. — Что ж, я рада.

— Еще бы не рада! — ехидно произнесла Мила. — Смотри не упади к его ногам в первый же день!

— Еще чего! — заносчиво возразила Лариса. — Пусть он падает к моим ногам. И вообще, провинциальный тенор — это не в моем вкусе.

— Ну-ну, — насмешливо поддакнула Мила. — Ладно, подруга. Пойду я, мне ужин пора готовить, парня кормить. Сын как-никак, хоть и стервец порядочный. Бывай, до завтра.

Лариса положила трубку и в рассеянности подбрехала на ладони недоеденное яблоко. С ума сойти — ей предстоит петь с победителем всероссийского конкурса! И ведь у Ситникова все еще впереди — наверняка будут и победы на международных конкурсах, он же, кажется, совсем молодой, тридцати нет. Для вокалиста это детский возраст. Герцог в «Опере-Модерн» — только начало в бесконечной череде блестящих теноровых партий.